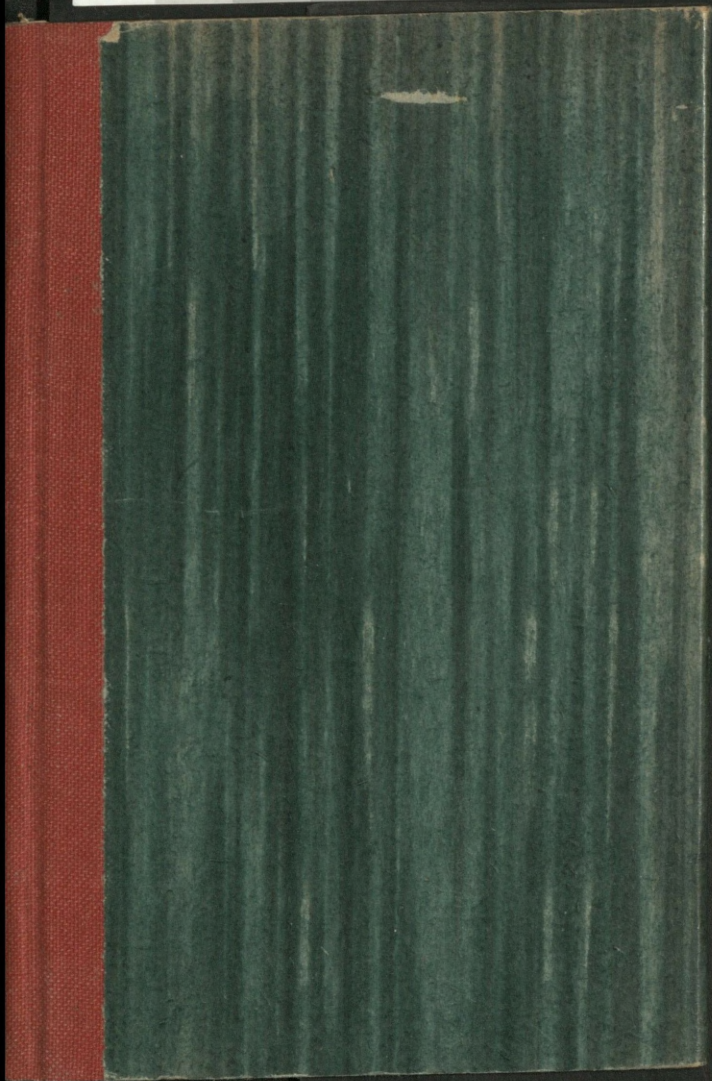

Grey Scale #13

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19

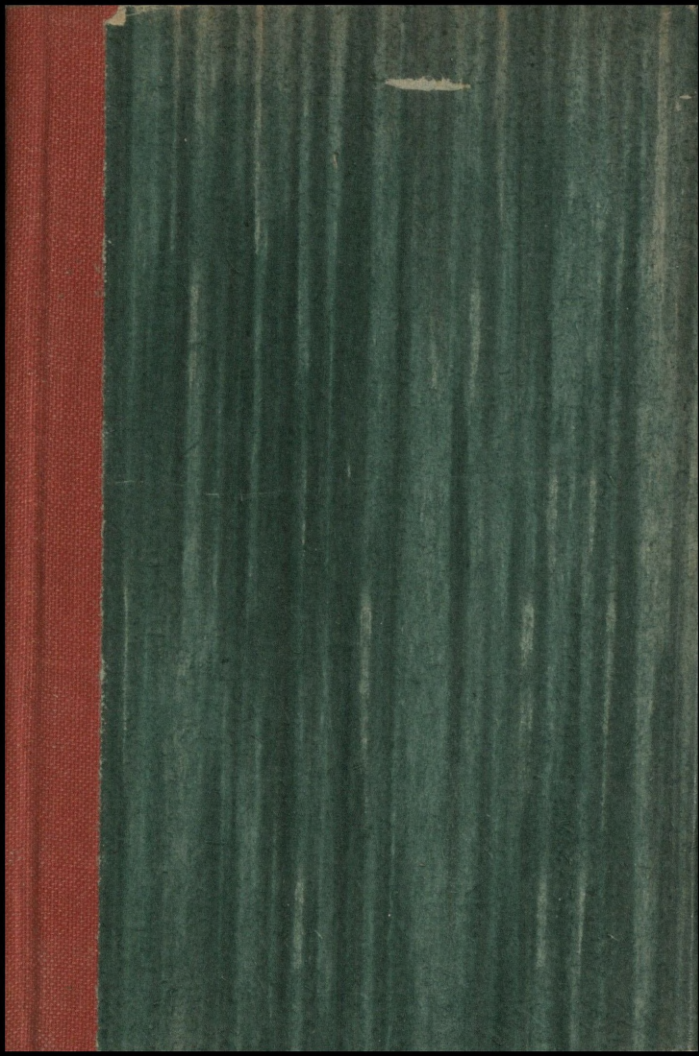
Inches 1 2 3 4 5 6 7 8

Centimetres 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

Colour Chart #13

DANES-PICTA.COM

Эмиль Лавелэ.

РОСКОШЬ
И ЕЯ
ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Соціально-экономическій этюдъ.

✱

Переводъ со втораго французскаго изданія

К. Гончаровой.

Южно-Русское Книгоиздательство

Ф. А. ЮГАНСОНА.

Кіевъ—Харьковъ.

6921 / 1

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 21 Октября 1897 г.

КІЕВЪ.

Тип. И. И. Чоколова, Фундуклевская ул., № 22-й.
1898.

РОСКОШЬ.

I.

Постановка вопроса.

Въ 18 вѣкѣ много и горячо говорилось по поводу роскоши. Говорятъ о ней много и въ нашемъ вѣкѣ.

Полезна ли роскошь? Вотъ вопросъ, подлежащій разрѣшенію. Не знаю, гдѣ я натолкнулся на слово, которое, какъ мнѣ кажется, разрѣшаетъ споръ. Финансистъ и экономистъ послѣдняго вѣка различно смотрѣли на этотъ предметъ. „Я думаю, говоритъ финансистъ, что роскошь поддерживаетъ государство“. — „Да, отвѣчалъ

экономистъ, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго“. Я согласенъ съ мнѣніемъ экономиста. Древніе философы и отцы церкви осуждали роскошь очень строго и они были правы. Она пагубна какъ для индивида, такъ и для общества. Христіанство осуждаетъ роскошь во имя любви къ ближнему и смиренія, политическая экономія—во имя пользы и право—во имя справедливости.

II.

Что такое роскошь?

Надо сначала условиться въ смыслъ понятія роскоши. Бодрильяръ въ своей прекрасной книгѣ: „Исторія роскоши“ уклоняется отъ опредѣленія этого понятія. Онъ предполагаетъ, что каждому извѣстно, что подъ нимъ подразумѣвается. Я не ставлю ему этого въ упрекъ, но думаю, что немного большая точность не могла бы повредить.

Я называю предметомъ роскоши всякій предметъ, который удовлетворяетъ потребности не первой необходимости и, стоя много денегъ, а слѣдовательно и труда, доступенъ меньшинству.

Потребленіе роскоши разрушаетъ продуктъ многихъ дней работы, не принося ей производителямъ никакого рациональнаго удовлетворенія. Какая-нибудь царица бала разрываетъ въ вихрѣ вальса свою кружевную юбку, стоимостью въ 10000 франковъ:—эквивалентъ 50000 часовъ кропотливаго труда уничтоженъ въ одинъ моментъ. Какая извлекается изъ всего этого польза?

Кератри называетъ роскошью то, „что создаетъ ложныя потребности, искажаетъ потребности истинныя, извращаетъ ихъ цѣль, создаетъ между гражданами конкуренцію расточительности, сообщаетъ пустую, надутую гордость богатымъ и даетъ другимъ картину счастья, достигнуть котораго они не могутъ“.

Опредѣленіе роскоши, которое я считаю наилучшимъ, заключаетъ въ себѣ ея осужденіе. Изъ этого опредѣленія понятно также, что предметъ, называемый предметомъ роскоши въ одно время, перестаетъ имъ быть въ другое и именно тогда, когда онъ не такъ дорогъ. По выраженію Рошера, написавшаго ^о объ этомъ много интереснаго, ¹⁾ понятіе роскоши-чисто относительно.

Каждый народъ и каждое время считаютъ излишнимъ то, безъ чего они могутъ обходиться. Голлинсгедъ въ свое время ропталъ на утонченіе нравовъ англичанъ, которые тогда начали вводить камины и посуду изъ обожженной глины и „даже изъ олова“. Прежній способъ отопленія жилыхъ помѣщеній, при которомъ дымъ выходилъ наружу ^и черезъ щели, и деревянная посуда, казались ему вполне удобными. Другой писатель того же времени, Сланей, негодуетъ по поводу

---

1) Die Grundlagen der Nationaloekonomie.

употребленія на постройки дуба вмѣсто прежней ивы. „Нѣкогда, пишетъ онъ, дома были изъ ивы, а люди изъ дуба, теперь же—наоборотъ“. Въ средніе вѣка бѣлье было такой рѣдкостью, что принцессы дарили своимъ женихамъ рубашку. При этомъ имѣющіе бѣлье всегда снимали его, ложась спать. А теперь неимѣніе бѣлья считается страшною бѣдностью. Когда впервые появились изъ Индіи цвѣтныя бумажныя матеріи и мусселинъ, то ихъ могли носить только самыя богатая барыни; а теперь простыя работницы относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ. Такимъ образомъ прогрессъ механики все увеличиваетъ и увеличиваетъ число предметовъ, доступныхъ большинству. Тѣмъ не менѣе опредѣленіе роскоши остается прежнимъ: Роскошь есть все, что въ настоящее время дорого и считается излишнимъ.

III.

Чувства, порождающія роскошь.

Бодрильяръ, въ упомянутой мною выше книгѣ, глубоко и тонко разбираетъ чувства человѣка, порождающія роскошь. Такихъ чувствъ, естественныхъ и при-сущихъ всѣмъ, онъ насчитываетъ три: тщеславіе, чувственность и любовь къ украшеніямъ.

Сначала поговоримъ о тщеславіи. Всякому хочется отличиться и казаться лучше остальныхъ. Толпа почитаетъ богатство и силу, и люди бываютъ счастливы, добившись того и другого. Возьмемъ для примѣра ожерелье изъ рѣдкихъ жемчужинъ, за которое женщина платитъ 50000 франковъ. Для чего она его купила? Для того, чтобы обладать красивою вещью? или она надѣется украсить себя имъ? Нѣтъ, потому что поддѣльныя жемчужины имѣютъ болѣе правильную форму и болѣе красивы. Но очень доро-

Гр^о ожерелье есть доказательство ея богатства. Увидя ее въ такомъ видѣ, скажутъ: „она богата“, и ея болѣе бѣдныя перницы получаютъ уколъ своему тщеславію. Это чувство присуще всѣмъ и очень сильно.

Если общественное мнѣніе склоняется предъ добродѣтелю, то самолюбіе или тщеславіе побуждаютъ насъ дѣлать добро. Если же, наоборотъ, общее мнѣніе обожаетъ богатство, то самолюбіе толкаетъ насъ къ роскоши.

Тщеславіе и рождаемая имъ любовь къ украшеніямъ очень замѣтны у дикарей, которые раньше, чѣмъ думать объ одеждѣ, татуируются, и менѣе замѣтны у людей цивилизованныхъ. Высокая культура и возрастаніе силы разума умѣряетъ тщеславіе и даетъ имъ менѣе дурное направленіе. Нѣкогда мужчины и женщины носили пестрыя и яркія матеріи, галуны, крѣпева, блестящія побрякушки, что мы видимъ еще и до сихъ поръ въ Китаѣ и у индійскихъ народовъ. Но съ начала этого

вѣка цивилизованныя націи взяли прѣмѣръ съ Англіи и стали носить черныя платья квакеровъ. Для мужчины ношеніе брилліантовъ, даже въ видѣ запонокъ въ рубашкѣ, считается дурнымъ тономъ, признакомъ дурного вкуса. Въ строгой простотѣ и чистотѣ костюма, вотъ въ чемъ заключается мужская элегантность.

Женщины напротивъ еще любятъ, какъ и въ доисторическія времена или на островахъ Тихаго Океана, прокалывать себѣ уши и вдѣвать въ нихъ разные камни или надѣвать себѣ на шею разные ожерелья. Онѣ каждый годъ выдумываютъ для своихъ платьевъ новыя болѣе неудобныя и дорогія фасоны. Какое лѣкарство можетъ ихъ вылѣчить отъ этой болѣзни, отъ этого наслѣдія первобытныхъ временъ? Стюартъ Милль указалъ намъ на такое средство въ своей книгѣ о положеніи женщины. Дайте ей необходимое образованіе, чтобы она могла заниматься умственнымъ трудомъ, и ^{та}

перестанетъ интересваться побрякушками. Химера, возразить намъ,—женское тщеславіе неизлѣчимая болѣзнь. Я этого не думаю. Христіанство совершило это чудо у квакеровъ и въ монастыряхъ. Почему же не въ силахъ этого сдѣлать, по нашему мнѣнію, чувство справедливости въ связи съ развитіемъ ума?

Не такъ далеко то время, когда Букингамъ при французскомъ дворѣ носилъ столько брилліантовъ, что, потерявъ онъ ихъ, всѣ фрейлины бросились бы на колѣни ихъ поднимать. Если черный фракъ замѣнилъ собой шелковыя платья, отдѣланныя кружевомъ, то почему же подобное измѣненіе не можетъ произойти въ костюмѣ женщины? Развѣ не довольствовалась она въ продолженіи всей классической древности полотняной туникой и легкой шерстяной хламидой? Что роскошь имѣетъ своимъ источникомъ тщеславіе,—это только мнѣніе. Если это мнѣніе достаточно освѣтить, доказать, что роскошь есть остатокъ временъ варвар-

ства, что она есть признакъ дѣтства, что она безнравственна и несправедлива, то женщины, которыя теперь, чтобы нравиться, тратятъ большія деньги на наряды, старались бы украшать себя съ меньшими издержками, что, конечно, является самымъ желательнымъ.

Съ высоты каедръ раздаются краснорѣчивыя осужденія роскоши, вытекающей изъ тщеславія. Приводимъ выраженія Боссюэ по этому поводу. „Посмотрите на эту женщину во всемъ величїи ея красоты, ея наряда. Она хочетъ побѣждать, она хочетъ быть обожаемой, какъ богиня человѣческаго рода; но прежде всего она сама себя обожаетъ, она сама —свой идолъ“. И въ другомъ мѣстѣ: „Мужчины наряжаютъ своихъ дочерей, чтобы удовлетворить своему тщеславію и быть предметомъ общественной зависти. Они питаютъ свое тщеславіе и тщеславіе другихъ“. И наконецъ слѣдующее мѣсто: „Эта тщеславная и самолюбивая женщина думаетъ, что она стоитъ гораздо боль-

ше, увѣшанная золотомъ, камнями и тысячью другихъ украшеній. Чтобы украсить ее, трудится вся природа, всѣ искусства и вся промышленность“.

Роскошь, берущую свое начало изъ *чувственныхъ* удовольствій, труднѣе опровергнуть, потому что здѣсь дѣло идетъ объ удовольствіяхъ, хотя и искусственныхъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныхъ, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ,—въ роскоши изъ тщеславія,—достаточно было доказать ея вредъ и гибельность. Бодрильяръ дѣлаетъ по этому поводу очень вѣрныя замѣчанія. „Матерія конечно, также ограничена и чувственность. Но человѣкъ заблуждается относительно чувственности, не считая ее таковой. Ему всегда кажется, что наслажденіе не дало ему всего, что могло бы дать, и получивъ одно удовольствіе, онъ бѣжитъ за другимъ. Утонченности становятся все утонченнѣе, и онъ ищетъ все новыхъ. Сколько здѣсь удовлетвореній желаній, доставляющихъ только вообра-

жаемое удовольствіе. Сколько значенія придается здѣсь мелочамъ, замѣтнымъ лишь при очень и очень большомъ вниманіи! Дороговизна увеличиваетъ удовольствіе, потому что къ прелести самаго предмета прибавляется еще сознаніе побѣжденной трудности“.

Тщеславіе возбуждаетъ чувственность, но очень часто служитъ ей плохую службу. Слишкомъ сильное исканіе удовольствій и обильное ихъ удовлетвореніе поражаютъ пресыщеніе. Такъ на примѣръ, наши меню и вина такъ изысканны и разнообразны, что при дворахъ королей положительно не знаютъ, чѣмъ ихъ подновлять. А между тѣмъ, сколько было прелести въ маленькихъ обѣдахъ, такъ хорошо описанныхъ Брилья-Савариномъ, за которыми подавалось хорошее старое домашнее вино и нѣсколько кушаній, шедевровъ кулинарнаго искусства, оцѣнивавшихся по достоинству неизбалованными вкусами. Все ѣлось съ удовольствіемъ, а десертомъ служили откровен-

ный смѣхъ, веселые анекдоты и пѣніе. Безпечная веселость нашихъ отцовъ, куда ты дѣвалась? Погоня за милліонами и роскошь убили тебя.

Человѣкъ имѣетъ одинъ желудокъ, и, что бы тамъ ни говорили, его потребности ограничены. Можно съ небольшими издержками удовлетворять всѣ свои чувства, и наше стремленіе къ ихъ удовлетворенію насъ не можетъ разорить. Но, что дорого стоитъ, такъ это желаніе блистать, удовлетвореніе нашего тщеславія. Въ этомъ границъ—нѣтъ. Развѣ могло доставить Клеопатрѣ удовольствіе проглотить дорогую растворенную жемчужину или развѣ могло быть особенно вкусно Геліогабалово купанье изъ соловьиныхъ языковъ?..... Прогрессъ въ производствѣ даетъ намъ въ изобиліи все, что полезно, но, желая отличиться отъ другихъ, мы должны покупать то, что рѣдко и дорого, т. е. мы уничтожаемъ въ одинъ моментъ результатъ продолжительнаго труда. Въ этомъ то и

заключается основаніе и нечеловѣческій вредъ роскоши. Будемъ надѣяться, что здравый разсудокъ положитъ конецъ этому виду безумія.

Бодрильяръ находитъ еще третій источникъ роскоши—*любовь къ украшеніямъ*. Какъ онъ вѣрно замѣчаетъ, „этой любви нельзя смѣшивать ни съ тщеславіемъ, даже когда она съ нимъ граничитъ, ни съ чувственностью, даже когда она ей служитъ“! Эта **любовь**, или, будемъ говорить, этотъ инстинктъ, поражаетъ декоративныя искусства и промышленность. Мы его видимъ впервые у доисторическаго человѣка, когда онъ, живя въ пещерахъ во время ледниковаго періода, вырѣзаетъ на костяхъ фигуры оленей и бобровъ, жившихъ тогда въ нашихъ странахъ. Безпрестанно культивируясь и развиваясь, этотъ инстинктъ перешелъ въ эстетическое чувство, въ любовь къ прекрасному, которая породила архитектуру, скульптуру, живопись, гончарное искусство. Этотъ ин-

стинктъ нельзя не только осуждать, но его надо поддерживать и развивать, потому что онъ, въ нашихъ публичныхъ монументахъ, является дѣятелемъ цивилизаціи и источникомъ чистыхъ, безкорыстныхъ наслажденій, доступныхъ цѣлому народу. Вводимый въ частную жизнь, въ украшеніе жилищъ, мебели, домашней утвари, онъ очищаетъ вкусъ и дѣлается такимъ образомъ дѣятелемъ прогресса.

Даже животныя любятъ яркіе цвѣта, а можетъ быть и красоту линій. ¹⁾ Натуралисты видятъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ совершенствованія видовъ.

Любовь къ прекрасному совершенствовала бы также человѣческій родъ, если-

Въ Австраліи есть птица, которую англійскіе колонисты называютъ Bower bird; она устраиваетъ передъ своими гнѣздами цвѣтники изъ яркихъ цвѣтовъ. А въ гротѣ Спи, въ которомъ жилъ первобытный дикарь съ вдавленными черепными костями, нашли предметы, на которыхъ начертаны различныя фигуры, очевидно служившія ихъ украшеніями.

бы она часто не переходила въ любовь къ богатству. Сильный и красивый молодой человекъ выберетъ всегда граціозную и хорошенькую молодую дѣвушку, если въ его соображеніяхъ не будетъ имѣть значенія ея приданое. Если всѣ дѣвушки, изъ которыхъ ему предстоитъ выборъ, будутъ стоять въ равныхъ условіяхъ. Изъ ихъ союза произойдетъ здоровое поколѣніе. Въ настоящее же время деньги заставляютъ забывать непривлекательность жениховъ и невѣстъ, и выборы бывають крайне неестественныя, напр., здоровые женятся на больныхъ и т. д. Такіе то выборы и портятъ расу. Любовь къ прекрасному и къ украшеніямъ хороша сама по себѣ. Он не ведетъ къ роскоши, потому что красота заключается не въ дороговизнѣ, и въ гармоніи цвѣтовъ и въ правильности линій. Золотая или серебрянная статуя покрытая дорогими каменьями, возмущаетъ вкусъ. А что можетъ быть лучше маленькихъ статуэтокъ Танагра изъ

обожженной глины, сырой материалъ для которыхъ не стоитъ и одного су. Голько во времена упадка искусства пересталъ быть вѣрнымъ стихъ поэта: *Materiam superabat opus*, и скульптору можно было сказать: „Если ты не можешь сдѣлать Венеру красивой, то сдѣлай ее богатой“.

Бодрильярь очень тонко указываетъ на разницу, существующую между роскошью и искусствомъ. „Искусство стремится къ реализаціи идеи прекраснаго или — къ воспроизведенію извѣстныхъ формъ. У роскоши одна цѣль — выдѣлиться, выказаться. Цѣль искусства безкорыстна; цѣль роскоши, напротивъ, эгоистична. Что представляетъ собою въ плазакъ роскоши само прекрасное, предметъ страстнаго исканія истиннаго артиста, стремящагося къ совершенству? — Только блестящую игрушку. Роскошь оплачиваетъ искусство такъ же, какъ брилліанты и кружево“.

Наконецъ, Бодрильярь указываетъ, какъ на четвертый источникъ роскоши,

на любовь къ измѣненіямъ. Эта любовь выражается въ капризахъ моды. мода есть дѣйствительно одинъ изъ бичей нашего времени. Нѣкогда каждая страна одѣвалась по своему, соображаясь съ условіями климата или мѣстными производствами. Красивые, легкіе или тяжелые національные костюмы передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію. Теперь же во всемъ мірѣ одѣваются одинаково, но каждую весну, особенно у женщинъ, мѣняется мода. Какая-нибудь модная извѣстная модистка выдумываетъ новый покрой платья, и отъ Парижа до Шанхая, отъ Лондона до Санъ-Франциско все начинаютъ одѣваться по новому крою, а платья, стараго кроя выбрасываются, какъ негодныя. Зло отъ этихъ измѣненій разнообразно и хорошо подмѣчено Бодрильяромъ.

Прежде всего эти измѣненія дѣлають умы легкомысленными и отвращають ихъ отъ того, чѣмъ они должны были бы заниматься. „Тѣ, которые гоняются за

модой, должны сдѣлать изъ своего одѣванія главное занятіе, а такое занятіе ужь конечно не можетъ развить ихъ ума и сдѣлать способными на что-нибудь серьезное“. Вотъ нравственное зло.

Теперь обратимся къ экономическому злу, хорошо описанному Ж.—Б. Сеемъ. „Мода заставляетъ выбрасывать вещи, прежде чѣмъ онѣ утрачиваютъ не только свою полезность, но часто даже и свѣжесть. Она увеличиваетъ расходы и заставляетъ выбрасывать то, что еще прекрасно, удобно и красиво. Такъ быстрое измѣненіе моды разоряетъ Госу, царство тѣмъ, что она расходуетъ, и тѣмъ, чего она не потребляетъ“.

Чтобы выдѣлать шелковую, бумажную или шерстяную матерію съ новымъ рисункомъ, нужны расходы на модели, каргоны, самый рисунокъ и еще многое. Матеріи и отдѣлки прошлаго года считаются залежавшимся товаромъ и распродаютъ за дешевую цѣну. Подобныя уступки должны покрываться надбавкой на

новые матеріалы, иначе фабрикантъ будетъ не въ состояніи производить. Измѣненія моды значительно увеличиваютъ цѣну на модные товары.

Представимъ себѣ существованіе у всѣхъ національнаго костюма. Текущее производство требуемыхъ на него матеріи имѣло бы лучшей сбытъ, чѣмъ матеріи всевозможныхъ фасоновъ, измѣняющихся по прихоти моды. Королева нынѣ старается своимъ примѣромъ заставить своихъ фрейлинъ одѣваться въ національный костюмъ валахскихъ крестьянокъ.

Какъ, скажутъ мнѣ, вы желаете ввести убійственное однообразіе и лишитъ насъ пикантности новаго? Но неужели же лучшее употребленіе капитала, науки и вкуса, это—служеніе модѣ? Неужели женщины не могутъ заняться ничѣмъ лучшимъ, какъ новыми туалетами, разговорами о нихъ и пересудами.

Мнѣ кажется, можно имѣть плагья, въ одно время и подходящія для сезона,

и удобныя, и изящныя. Гигіена и эстетика соединились бы для изобрѣтенія матерій, покрая и цвѣтовъ. Этихъ то изобрѣтеній и должно было съ тѣхъ поръ держаться.

Въ Англіи составилось общество дамъ съ цѣлью принять раціональный костюмъ. Я уже слышу возраженіе: „Боже мой, хотите нарядить насъ въ монашеское платье“. Замѣтимъ сначала, что монашеское платье отлично служитъ религіознымъ цѣлямъ и держится вотъ уже 18 столѣтій. Простая одежда является однимъ изъ средствъ отвратить душу отъ тщеславія и сдѣлать ее способной къ размышленію о непреходящемъ. Не забудемъ также, что, начиная съ греческихъ вѣковъ и кончая фресками на катакомбахъ 3 и 4 столѣтій, древность изображаетъ намъ лицъ одѣтыхъ одинаково.

Праздность и элегантность поражаютъ легкомысліе, а легкомысліе капризы моды. Когда у насъ будетъ больше справедливости въ законахъ, больше бла-

городства въ душахъ и ума въ мозгахъ тогда мы вернемся къ древности.

IV.

Роскошь ничѣмъ не оправдывается.

Мы кончили разборъ человѣческихъ чувствъ, поражающихъ роскошь, и теперь займемся обсужденіемъ самой роскоши. Многіе писатели, и между ними Бодриляръ, занимаютъ среднее мѣсто между школой ригористовъ, проповѣдующихъ ограниченіе потребностей и школой противной, признающей роскошь пріятной вещью для индивида и необходимой для Государства и прогресса цивилизаціи. Эти писатели дѣлаютъ различіе между роскошью вредной и безнравственной.

Что касается меня, то я не признаю этого различія и думаю, что школа ригористовъ вполне права. Краснорѣчивыя и единодушныя осужденія роскоши древними мудрецами и философами, Отцами Церкви и христіанскими проповѣд-

никами вполне подтверждаются новейшей наукой. Они не знали политической экономии, но в них говорил инстинкт добра и справедливости и евангельское чувство сострадания и братской любви.

Всякая роскошь—безнравственна, несправедлива, безчеловѣчна. Вотъ что говоритъ о ней одинъ изъ отцовъ политической экономіи: „Лица, пишетъ Ж.— Б, Сей, силою своего таланта или другой какой либо силой распространяющіе любовь къ роскоши, злоумышляютъ противъ счастья народовъ“.

Роскошь, сказали мы, состоитъ въ удовлетвореніи искусственной потребности предметомъ, на который потрачено много труда. Если трудъ такъ необходимъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, то законно ли и хорошо ли употреблять большую часть силы капиталовъ и рабочихъ на производства излишка, безъ котораго часто даже лучше обойтись, въ то время, какъ еще очень многіе находятся въ страшной бѣдности?

Чтобы лучше показать, въ чемъ осмѣливаюсь расходиться съ Бодрильяромъ, я приведу его же примѣръ-бриллианты. М. А. Бланки писалъ по повелѣнью Когиноора, этой свѣтовой горы: „Бриллианты казались мнѣ всегда самою глупою и бесполезною вещью, хотя женщины и считаютъ ихъ самымъ лучшимъ украшеніемъ“. Бодрильяръ отмѣчаетъ, что производство бриллиантовъ стоитъ 40 милліоновъ, что болѣе 20000 рабочихъ заняты исканіемъ камней и болѣе 350 голландскихъ, бельгійскихъ и французскихъ алмазчиковъ зарабатываютъ большія деньги: низшіе рабочіе этого ремесла зарабатываютъ три франка, а хозяева-ремесленники 15 и 20 франковъ день. „Неужели это, заключаетъ онъ, простая бесполезность?“

По моему мнѣнію вещь можетъ стоить громадныхъ денегъ и быть все таки бесполезной и даже вредной. Китайцы покупаютъ у англичанъ на 400 милліоновъ опиума: это больше, чѣмъ бесполезно-

его—ядь и китайскій императоръ посту-
плъ бы очень умно, если бы выбросилъ
море всѣ доставляемые ему англича-
ми ящики съ этимъ наркотическимъ
цѣлствомъ. Вотъ что я называю лож-
нымъ богатствомъ. Предполагать, что бо-
гатство заключается въ трудѣ, не есть
и это, какъ говорилъ Бастиа, „сизни-
тъ“ т. е. трудъ ради труда? Я вижу,
даже имъ въ рудникахъ и мастерскихъ и
внѣ обатывающихъ большія деньги. Но
и эти брилліанты нужны только для
дѣлстворенія тщеславія однихъ и для
възбужденія зависти другихъ, неимѣю-
щихъ ихъ, то не лучше ли было бы
лежать вмѣстѣ съ опиумомъ на днѣ
океана? Не лучше ли было бы, если бы
эти же самые работники производили
бапмаки, чулки и рубашки для неиму-
щихъ всего этого? Мнѣ пріятнѣе было
бы видѣть 50 женщинъ одѣтыхъ въ
платья по двадцать франковъ чѣмъ одну
— въ бальномъ платьѣ, стоимостью въ
1000 франковъ.

Я не проповѣдую законовъ противъ роскоши, но мнѣ радостно видѣть такія государства, какъ Норвегію и кантоны Швейцаріи, гдѣ никто не покупаетъ себѣ брилліантовъ, но за то имѣетъ все необходимое.

Главный, но часто забываемый пунктъ—слѣдующій; всякій предметъ роскоши стоитъ много труда; нельзя ли этотъ трудъ употребить разумнѣе? Если на индивида смотрѣть отдѣльно, то истина очевидна. Найдется ли такой неразумный человѣкъ, который сталъ бы работать три года, чтобы сдѣлать себѣ ни къ чему ненужную игрушку? Только обмѣнъ скрываетъ всю несообразность этого явленія и дѣлаетъ его обыкновеннымъ. Но если разсматривать все человѣчество, какъ одно цѣлое, принужденное своимъ трудомъ удовлетворять свои потребности, то не покажется ли намъ ясно безумнымъ тратить часть драгоценнаго времени на грань алмазовъ, въ то время какъ часть человѣчества ходитъ

босая. Жители государства располагаютъ известнымъ числомъ часовъ въ день: если они половину этого времени будутъ употреблять на производство пустяковъ, то неизбежно, что половина населенія не будетъ имѣть самого необходимаго. Одинъ китайскій императоръ говорилъ: „Если одинъ изъ моихъ подданныхъ не работаетъ, то одинъ изъ нихъ также страдаетъ отъ холода и голода“. Вырывать ямы, чтобы ихъ потомъ снова наполнять, вышивать передъ рубашки или искать камни, это въ сущности не значитъ трудиться, потому что это не значитъ производить.

Я нападаю на Бодрильяра не за то, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ такъ называемой имъ вредной роскоши, но за то, что онъ допускаетъ роскошь не вредную. По моему мнѣнiю роскошь и зло синонимы. Самое слово роскошь заключаетъ въ себѣ идею порицанiя. Что же касается „вредной роскоши“, то онъ осуждаетъ ее въ краснорѣчивыхъ и

сильныхъ выраженіяхъ. Вотъ его слова: Аксиома: „роскошь разнѣживаеъ“ имѣетъ глубокое основаніе. Съ меньшимъ основаніемъ можно сказать: роскошь развращаетъ. Она ослабляетъ силу души любовью къ наслажденію и гордымъ легкомысліемъ. Она убиваетъ духъ жертвы, безъ котораго не мыслимо существованіе общества; она отнимаетъ живой импульсъ къ добру и сопротивленіе злу. Она заставляетъ жить только для удовольствія. Историки и моралисты единодушно приписываютъ растлѣніе нравовъ и характеровъ дѣйствию роскоши, любви къ удовольствіямъ и различнымъ тонкостямъ. „Въ наши дни болѣе, чѣмъ когда либо, даровая расточительная собственность кажется странной аномаліей. Теперь не понятны права безъ обязанностей. Роскошь нравственно обезславливаетъ собственность, идущую на пустяки и дурныя дѣла“.

Вотъ еще прекрасная страница у Бодрильяра, въ которой онъ резюми-

руеть нападки Руссо на города, по мнѣнію котораго, прибавляетъ онъ, надо было бы составлять статистику даваемыхъ ими преимуществъ и развиваемыхъ добродѣтелей. „Города—это очаги роскоши и разврата. Тамъ умножаются потребности и наслажденія. Тамъ развиваются тщеславіе и всѣ пороки. Легкомысленныя искусства развиваются во вредъ искусствамъ полезнымъ, и этотъ излишекъ, служащій только немногимъ, затираетъ необходимыя искусства, полезныя для всѣхъ. Тамъ на каждомъ шагу васъ поражаетъ возмутительный контрастъ между крайнимъ богатствомъ и крайнею нищетою, между отрепьями и роскошною внѣшностью. Тамъ роскошные дома, а здѣсь нѣтъ даже теплой комнаты. Тамъ элегантный и веселый порокъ; здѣсь тотъ же порокъ, но порокъ грубый, преступленіе. На каждомъ шагу встрѣчаются искушенія. На каждомъ шагу бѣднякъ видитъ роскошные магазины, наполненные чудеснымъ платьемъ, золотомъ и сереб-

ромъ, ему недоступными. Въ душу бѣдняка закрадывается ненависть и злоба, прорывающіяся отъ времени до времени въ возмущеніяхъ, въ которыхъ ничего не имѣющій заявляетъ свои права на удовольствія“. Развѣ могли бы сказать больше самые ярые ригористы, которыхъ Бодрильяръ упрекаетъ однако въ крайности? Я не могу раздѣлить его мнѣнія, что умѣренная и нравственная роскошь служить стимуломъ къ труду. Почему—я сейчасъ скажу.

Я согласенъ съ мнѣніемъ Стюарта Милля, что въ дикарѣ, для того чтобы онъ вышелъ изъ своего инертнаго состоянія, надобно развить новыя потребности, для удовлетворенія которыхъ онъ будетъ работать. Но у европейскихъ народовъ стимуломъ къ труду не должно быть потребленіе. „Посмотрите только, говоритъ Бодрильяръ, на несчастныхъ бѣдняковъ напичканныхъ въ подвалахъ Лилля или Лондона. Они наслаждаются въ своей грязи и въ своемъ мракѣ и

не желаютъ изъ него выйти. Я спрашиваю Бодрильяра, основателенъ ли этотъ упрекъ? Эти несчастные все таки трудятся для того, чтобы существовать. Можно ли ихъ упрекать за то, что недостаточный заработокъ держитъ ихъ въ грязныхъ подвалахъ, куда бы фермеръ не помѣстилъ своихъ собакъ или свиней? Очень большое число людей даже въ такой богатой странѣ, какъ Франція, не имѣютъ ни квартиры, ни обстановки, ни одежды, ни пищи, требуемыхъ гигиеной и, конечно, всѣ они желаютъ ихъ имѣть. Неужели это необходимое желаніе является недостаточнымъ стимуломъ труда? Это есть единственный двигатель труда тѣхъ, кто дѣлаетъ употребленіе изъ своихъ рукъ, а праздные люди именно и ищутъ излишка.

„Но что же сдѣлаете вы, мнимые мудрецы, восклицаетъ Бодрильяръ, съ тысячами рабочихъ, обрабатывающихъ металлы, выдѣлывающихъ слоновую кость, матеріи, дерево и драгоценные камни съ

безконечнымъ вкусомъ“. Нѣсколькими страницами дальше онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, опровергая утверждающихъ, „что Франція производитъ слишкомъ много“.— „Чего же она производитъ слишкомъ много, эта благословенная Франція? Этого нельзя сказать о совокупности полезныхъ или пріятныхъ вещей, когда въ ней столько бѣдныхъ. Укажите же на производимый въ излишкѣ предметъ. Это, конечно, не шерсть, потому что многіе бѣдняки страдаютъ отъ холода. Это конечно не хлѣбъ, потому что многіе голодаютъ“. Изъ этого вытекаеть слѣдующее: работники, выдѣлывающіе слоновую кость и драгоценные камни, могли бы выдѣлывать шерсть и производить хлѣбъ, которыхъ теперь, какъ вы сказали, мало, и задача была бы рѣшена. То же количество труда, но труда болѣе полезнаго. Но, говоритъ еще намъ авторъ, вы не можете строго ограничить излишекъ отъ того необходимаго, которое вы желаете увеличить. „Не-

сомнѣнно, понятіе роскоши относительно и зависитъ отъ средствъ производства; то, что мы называемъ излишкомъ сего дня, не будетъ имъ завтра, если прогрессъ механики сдѣлаетъ его доступнымъ всѣмъ. Отличить роскошь отъ необходимаго, мнѣ кажется, всегда легко. Стоитъ ли предметъ времени и труда, если бы я самъ его долженъ былъ производить? Если да,—то онъ не есть роскошь, и я могу его приобрѣтать; но если я, чтобы его получить, отвлекъ человѣческій трудъ отъ болѣе полезнаго назначенія, то тогда я—неправъ. Я пожертвовалъ необходимымъ излишку, я сдѣлалъ плохое употребленіе изъ моихъ силъ или изъ силъ существъ мнѣ подобныхъ.

V.

Есть ли роскошь доказательство или причина нравственнаго развитія?

Бодрильяръ такъ озаглавливаетъ одинъ изъ параграфовъ своего сочиненія: *Малое*

развитіе потребностей—признакъ низкаго состоянія цивилизаціи. Матеріальныя потребности по отношенію къ нравственному развитію. Это вѣрно относительно начала цивилизаціи и перестаетъ быть вѣрнымъ при послѣдующемъ ея развитіи. Подъ давленіемъ потребностей человѣкъ начинаетъ трудиться, сначала при помощи очень грубыхъ орудій, какъ то: при помощи необточеннаго кремня, палки, затвердѣвшей отъ дѣйствія огня, рыбьихъ костей, осколковъ костей, заостренныхъ на концѣ; потомъ появляются орудія металлическія, съ теченіемъ времени все совершенствуясь. Людвигъ Нуаре въ своей прекрасной книгѣ „das Werkzeug“ показываетъ, какъ, создавая орудія, человѣкъ создаетъ языкъ и развиваетъ умъ. Затѣмъ у него накопляются наблюденія надъ силами природы. Отсюда развиваются техника и наука. Устанавливаются соціальныя отношенія, нравы становятся болѣе мирными. Земледѣліе создаетъ порядокъ и миръ,

необходимые для всѣхъ,—имъ занимающихся. Человѣкъ перестаетъ быть только охотникомъ, все время котораго уходитъ на ловлю добычи, на ея съѣденіе и перевариваніе. Досугъ, этотъ результатъ большой производительности труда, открываетъ человѣку горизонты умственной и нравственной жизни. По прекрасному выраженію Бодрильяра, „человѣкъ, измѣняя вещи, воспитываетъ самъ себя. Онъ никогда не измѣняетъ ихъ настолько, насколько измѣняется самъ. Трудъ создалъ новый міръ. Осмѣлимся сказать, онъ создалъ новаго человѣка. Пойдемъ еще дальше, онъ создалъ человѣка. Трудиться значитъ обладать собой. Трудиться—это предвидѣть. Трудиться это значитъ знать отношеніе средствъ къ цѣлямъ. Все ли это? Нѣтъ. Это означаетъ также взаимную зависимость всѣхъ людей. Трудъ даетъ начало обществу, которое съ теченіемъ времени все развивается и развивается отъ умственнаго обще-

нія людей, отъ обмѣна услугъ и производствъ всевозможныхъ родовъ“.

Это все хваленіе труда совершенно вѣрно по отношенію къ производству необходимаго. Но трудъ, производящій безполезности, есть грѣховное препровожденіе времени, которое намъ дано для болѣе высокихъ цѣлей. Это есть кража у культуры духа и у отношеній чувствъ къ семьѣ и человѣчеству.

Развитіе потребностей очень мало свидѣтельствуешь о прогрессѣ цивилизаціи, потому что въ эпоху упадка потребности всегда сильно увеличиваются и утончаются. Римская Имперія хорошей примѣръ и доказательство этого. Объ этомъ прекрасно выразился Рошеръ. „Тогда то стремятся къ невозможному, и роскошь ищетъ во вредномъ наслажденіи, какъ говоритъ Сенека о Калигулѣ: *Nihil tam efficere concupiscebat, quam quod posse effici negaretur. Hoc est luxuriae propositum gaudere perversis.* Хотятъ насиловать природу. Такой то императоръ

строить мостъ черезъ море единственно для того, чтобы проѣхать по нему въ своей триумфальной колесницѣ. Другой велитъ срывать и воздвигать горы. Актеръ Эзонъ предлагаетъ своимъ гостямъ кушанье изъ языковъ говорящихъ попугаевъ, которое ему стоитъ 120000 франковъ. Гортензіусъ поливалъ свои деревья виномъ. Я не буду больше приводить примѣровъ: эта безумная жажда наслажденій достаточно хорошо извѣстна. Находится ли здѣсь развитіе потребностей въ связи съ нравственнымъ развитіемъ?

Я знаю, что экономисты, а за ними и общественное мнѣніе, измѣряютъ по обыкновенію степень цивилизаціи страны силой ея производства. Если желѣзо и производимое сукно считать милліардами колограммовъ и метровъ, то цѣль считается достигнутой. Въ такихъ странахъ богачи обкладываютъ пошлиной всю вселенную, чтобы украшать свои дома и сервировать столы. Въ городахъ, при

ослѣпительномъ блескѣ электричества, въ витринахъ магазиновъ красуются брилліанты, золото и серебро. А между тѣмъ милліоны бѣдняковъ живутъ милостыней, треть населенія безграмотна, другая треть не имѣетъ необходимаго, и приходится увеличивать тюрьмы и проповѣдывать желѣзный законъ. Ничего не значитъ: —эта страна все таки самая цивилизованная въ мірѣ. Въ другой странѣ мы видимъ бравыхъ деревенскихъ жителей, владѣльцевъ своихъ домовъ и полей, добывающихъ своимъ трудомъ все имъ необходимое. Всѣ пользуются достаточной степенью благосостоянія и образованія. Но роскоши не видно нигдѣ. Такую страну называютъ отсталой. Вотъ обычныя сужденія нашего времени. Я ихъ считаю неестественными, ложными и по ихъ послѣдствіямъ даже вредными.

Человѣкъ имѣетъ двойную жизнь, а слѣдовательно и два порядка потребностей: тѣлесную жизнь, и отсюда тѣлесныя потребности и духовную жизнь, и отсюда

духовныя потребности. Человѣкъ чувственный не колеблется пользоваться трудами тысячей работниковъ, для удовлетворенія своихъ фантазій, для достиженія наслажденій: *lassata sed non satiata*. Человѣкъ, же живущій больше духовной жизнью, не будетъ имѣть матеріальныхъ потребностей и будетъ даже забывать о необходимомъ. Примѣромъ перваго намъ служитъ Геліогабаль,—этотъ типъ чувственности и роскоши временъ Римской Имперіи. Съ другой стороны приведемъ Жана Баптиста, питавшагося саранчей, или св. Павла, добывавшаго себѣ хлѣбъ плетениемъ циновокъ, или, наконецъ, Спинозу, полировавшаго часовыя стекла.

Самый великій артистъ, Микель-Анджело, говорилъ своему другу Кондиви: „Хотя я и богатъ, но я жилъ всегда, какъ бѣднякъ“.—„Да, отвѣчалъ ему его другъ, вы жили бѣдно, потому что давали другимъ жить богато“. Гдѣ же мы видимъ самое большое нравственное развитіе?.....

Извѣстная ступень культуры создаетъ потребности, дальнѣйшая же ступень ихъ уничтожаетъ. Все, что удовлетворяетъ разумнымъ потребностямъ,—законно и хорошо, потому что надо заботиться о поддержаніи здоровья тѣла, безъ котораго невозможна умственная работа. Но то, что удовлетворяетъ ложнымъ потребностямъ,—безнравственно и дурно, потому что на производство его идетъ время, которое нужно для производства болѣе полезныхъ вещей и для себя, и для другихъ. Великіе реформаторы, измѣнявшіе направленіе мысли въ своихъ странахъ, какъ то: Моисей, Сократъ, Будда довольствовались очень малымъ. Пламя, очищающее человѣчество, загорается не въ наслажденіяхъ. Можно почти сказать, что нравственное величіе обратно пропорціо-нально потребностямъ.

Ренанъ написалъ по этому поводу незабвенную страницу, заставляющую забывать всѣ остальные. „Заблужденіе заключается не въ признаваніи промы-

шленности полезной и хорошей, а въ придаваніи слишкомъ большого значенія нѣкоторымъ усовершенствованіямъ. Разъ хорошее получено, то различныя тонкія усовершенствованія его имѣють уже очень мало значенія и цѣны. Вѣдь цѣль человеческой жизни есть счастье, и прошлое. безъ излишковъ добывалось этой цѣли. Если же, какъ справедливо думаютъ мудрецы, единственно необходимыми являются нравственное и умственное благодородство, то всѣ эти аксессуары имѣють мало значенія. Изъ исторіи намъ извѣстны эпохи высокаго умственнаго развитія и счастья въ матеріальной грубой культурѣ. Индія достигла высокаго умственнаго развитія, сравниться съ которымъ можетъ только современная Германія, между тѣмъ какъ внѣшняя ея культура стояла очень низко. Въ несравненномъ высокомъ евангельскомъ ученіи весь внѣшній блескъ жизни не имѣеть никакого значенія. Оно насъ направляетъ къ жизни, подобной нашей деревенской.

Развитіе искусствъ и развитіе любви къ комфорту не параллельны другъ другу. Намъ извѣстны времена и страны, въ которыхъ любовь къ комфорту занимала главное мѣсто, искусства же были развиты очень слабо. („Essais de morale et de critique“: La poésie de l' exposition).

VI.

**Есть ли роскошь необходимое условіе
для употребленія машинъ?**

Теперь займемся разсмотрѣніемъ другого вопроса. Бастіа во многихъ своихъ сочиненіяхъ проповѣдуетъ ограниченіе потребностей, но въ одномъ изъ нихъ, „*Harmonies économiques*“, онъ оправдываетъ роскошь и, повидимому, на серьезномъ основаніи. „Для рѣшенія машиннаго вопроса необходима внѣшняя конкуренція, необходима роскошь. Признавая же потребности величиной неизмѣн-

ной, мы дѣлаемъ рѣшеніе этого вопроса невозможнымъ“. Слѣдовательно, по его мнѣнію, для рѣшенія экономическихъ вопросовъ нужно постоянное увеличеніе и утонченіе человѣческихъ потребностей, и политическая экономія должна стать въ противорѣчіе съ такимъ древнимъ ученіемъ нравственности, каково христіанское. Бастіа понимаетъ это. „Я слышу крики, говоритъ онъ, экономистъ, ты уже путаешься! Ты утверждалъ, что твоя наука согласна съ нравственностью, а сейчасъ ты оправдываешь сибаритство“. Несомнѣнно, что онъ оправдываетъ его. Но что же онъ отвѣчаетъ на возраженіе? „О, строгій философъ, проповѣдникъ ограниченія потребностей, довольствуешься ли ты удовлетвореніемъ потребностей первобытнаго человѣка?“ Это не отвѣтъ. Что намъ за дѣло до того, что дѣлаетъ философъ? Остается несомнѣннымъ, что Бастіа, какъ онъ это и самъ говоритъ, объявляетъ сибаритство необходимымъ.

Вотъ какъ онъ доходить до грустнаго противорѣчія науки съ христіанскимъ ученіемъ. Машина сокращаетъ работу; слѣдовательно, чѣмъ больше машины увеличиваются и совершенствуются, тѣмъ меньшее число часовъ труда нужно для полученія извѣстнаго количества продуктовъ. Уменьшить часы труда значитъ уменьшить спросъ на рабочія руки и оставить многихъ рабочихъ безъ работы. Чтобы устранить эту безработицу нужно, по мѣрѣ удовлетворенія настоящихъ потребностей, возникновеніе потребностей новыхъ, чтобы воспользоваться свободными часами, сдѣлавшимися таковыми благодаря совершенствованію машинъ. Такимъ образомъ увеличеніе числа потребностей необходимо для того, чтобы прогрессъ науки и механики не лишалъ заработка большого числа рабочихъ. Вотъ картина экономическаго развитія. По мѣрѣ удовлетворенія первѣйшихъ потребностей, потребности второго рода производили ту массу безполезностей, которыми переполне-

ны наши магазины. Слѣдовательно, сохраняя машины, мы должны или признать сибаритство, или рѣшиться на уничтоженіе все возрастающаго числа рабочихъ. Такъ возстаетъ иногда политическая экономія противъ традиціонной нравственности.

Я не могу допустить, чтобы древніе моралисты и Отцы Церкви были неправы, проповѣдуя ограниченіе потребностей, и думаю, что возможно другое рѣшеніе этого вопроса, чѣмъ рѣшеніе указанное Бастіа. Вотъ оно:

Производя скорѣе, машина намъ можетъ дать или больше удобствъ, или больше досуга. По моему мнѣнію, удовлетворивши наши раціональныя потребности, мы не должны создавать себѣ новыхъ, а должны употреблять нашъ досугъ на развитіе нашего ума, должны во время этого досуга наслаждаться обществомъ намъ подобныхъ людей и прелестью искусствъ и природы. Я сравниваю чело-вѣчество съ Робинзономъ на его пустыни-

номъ островѣ. Только чтобы существовать, онъ въ первое время долженъ былъ трудиться съ утра до ночи, позднѣе, благодаря усовершенствованію своихъ снарядовъ, онъ въ продолженіе шести часовъ добывалъ все, что нужно было для удовлетворенія его главныхъ потребностей. Сталъ ли бы онъ свое свободное отъ трудовъ время употреблять на производство галуновъ, бархата и кружевъ? Нѣтъ, чѣмъ выше будетъ его культура и развитіе, тѣмъ меньше будетъ онъ думать о такихъ глупостяхъ. Онъ захочетъ въ свое свободное время наслаждаться размышленіями о Богѣ, о себѣ и о природѣ.

Машину называли освободительницей человѣчества. Это ложно, если она должна утончать въ насъ нашу чувственность и углублять ихъ въ матеріальное. Это истинно, если она облегчаетъ человѣку тяжелый трудъ, цѣной котораго онъ покупаетъ свое существованіе. Сомнительно, сказалъ Стюартъ Милль, чтобы всѣ наши машины уменьшили трудъ хотя одного

человѣка на одинъ часъ. Напротивъ, теперь трудятся больше, чѣмъ когда либо. Нѣкогда ночь приносила людямъ, какъ сказалъ испанскій поэтъ, „сладкій сонъ и забвеніе отъ заботъ“. Теперь, благодаря большей дѣятельности промышленности, сколько человѣкъ работаютъ всѣ ночи въ рудникахъ, на сахарныхъ заводахъ, на пароходахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на почтахъ и телеграфахъ и т. д. Какъ прекрасно выразился Гамлетъ (акт. 1, сц. 1): „Какова цѣль этой лихорадочной дѣятельности, дѣлающей изъ ночи подругу дня“. „What might be toward that this sweaty haste doth make the night joint labour with the day“. Жизнь въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ стѣслалась интенсивнѣе, и затрата нервной силы больше. Всѣ, начиная съ министра, заваленнаго массой дѣла, и кончая бѣднымъ рудокопомъ, всѣ мы дѣлаемся рабами гигантскаго соціальнаго зубчатаго колеса, быстрота котораго безпрестанно увеличивается. Машина не такъ должна

освобождать человѣчество. Она должна, дѣлая человѣку все болѣе легкимъ удовлетвореніе его раціональныхъ потребностей, давать ему больше досуга, а отсюда и большее умственное развитіе.

Но, скажутъ мнѣ, что вы называете раціональными потребностями, о которыхъ вы такъ много говорите? Кто проведетъ границу? Неужели вы хотите, чтобы человѣкъ опять питался желудями и одѣвался въ звѣриныя шкуры?

Я называю потребностями раціональными тѣ, которыя признаются разумомъ и требуются гигиеной. Гигиена намъ можетъ очень точно опредѣлить для каждаго климата и для каждаго времени года пищу, одежду и условія квартиръ. Прибавьте къ этому еще тѣ предметы, которые прогрессъ промышленности дѣлаетъ доступными всѣмъ. Ж.—Б. Сей справедливо, по моему мнѣнію, опредѣляетъ роскошь „какъ употребленіе рѣдкихъ и дорогихъ предметовъ“. Дорогой предметъ есть продуктъ большого труда

и продолжительнаго времени. Если онъ удовлетворяетъ второстепенной потребности, то мы не въ правѣ потреблять его. Границу между позволительнымъ и непозволительнымъ потребленіемъ не трудно провести. Стоитъ ли удовлетвореніе моего желанія потраченнаго на предметъ его удовлетворенія труда и времени? Вотъ вопросъ, который долженъ рѣшаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Бодрильяръ видитъ роскошь въ излишкѣ. Я скорѣе согласенъ съ мнѣніемъ Ж.—Б. Сея, который считаетъ роскошью все, что дорого. Японскій вѣеръ въ 1—5 сантимовъ или зеркало въ нѣсколько франковъ, можетъ быть, и составляютъ излишекъ, но такъ какъ производство ихъ стоитъ очень ничтожнаго количества труда, то удовлетвореніе, даваемое ими, стоитъ этой маленькой жертвы. Если земледѣлецъ пьетъ свое вино, которое бы онъ продавалъ по 4 су за литръ, то это нельзя назвать роскошью. Если какойнибудь богачъ пьетъ вино Іоганнисберга

по 40 франковъ за бутылку, то расходъ для него относительно меньше. Но онъ потребляетъ эквивалентъ 20 дней труда. Эти двадцать дней труда взяты у человѣчества изъ общей суммы его времени, необходимаго на удовлетвореніе его насущныхъ потребностей, а между тѣмъ что оно выиграло отъ этого потребленія вина? Всякій скажетъ, что это время дурно употреблено. Это ускользаетъ отъ толпы благодаря усложненію обмѣномъ, но тѣмъ не менѣе она часто негодуетъ и возмущается бѣшенными расходами, дѣлаемыми тѣми, кто можетъ ихъ дѣлать, не разоряясь. Это воровство, которое требуетъ мести, говоритъ она. Это дѣйствительно воровство времени у человѣчества, которое еще сильно страдаетъ отъ холода и голода, у котораго этого времени и безъ того не хватаетъ.

VII.

Три стороны вопроса о роскоши.

Роскошь можно разсматривать съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Во—первыхъ, въ ея отношеніяхъ къ отдѣльному индивиду: въ какихъ границахъ удовлетвореніе потребностей полезно нормальному развитію человѣческихъ способностей? Это вопросъ нравственности. Во вторыхъ, до какой точки роскошь полезна или вредна для возрастанія богатствъ? — Вопросъ экономическій. Въ третьихъ, совмѣстна ли роскошь съ справедливымъ распредѣленіемъ богатствъ и съ принципомъ, по которому каждый долженъ пользоваться плодами своего полезнаго труда.—Это вопросъ права и справедливости. Этотъ третій вопросъ до сихъ поръ глубоко не разбирался, потому что ясно не понимали, что юридическіе принципы должны согласоваться съ экономическимъ распредѣленіемъ про-

дуктовъ. Не забудемъ, однако, что христіанство, считающее строгимъ долгомъ милосердіе, всегда осуждало роскошь, потому что излишняя, а потому и безнравственная, трата на нее должна, по его мнѣнію, идти на бѣдныхъ.

VIII.

Роскошь въ отношеніи къ идеалу жизни.

Разсмотримъ сначала роскошь въ ея отношеніи къ индивиду. Вредна ли она ему или полезна? Мы не будемъ здѣсь касаться отношеній индивида къ его подобнымъ или требованій состраданія и справедливости. Чтобы рѣшить вопросъ, намъ надо опредѣлить, въ чемъ заключается благо человѣка, его цѣль или назначеніе. Его цѣль, очевидно, заключается въ нормальномъ развитіи всѣхъ его способностей и въ получающемся отсюда счастья.

Пессимисты возражать мнѣ, быть можетъ, что развитіе нашихъ способностей есть источникъ нашихъ страданій, что „человѣкъ есть исковерканное животное“, что животное счастливѣе человѣка, растеніе счастливѣе животного, а минераль счастливѣе растенія и что высшее счастье заключается въ небытіи, въ буддійской нирванѣ.

Я не буду здѣсь оспаривать пессимизма. Что бы тамъ ни говорили Шопенгауеръ и Гартманъ, трудно повѣрить, что громадная эволюція, исходя изъ инертной матеріи и дойдя до созданія человѣческаго интеллекта, вела бы къ несчастью и къ отчаянію. Всякое живое существо стремится къ сохраненію своей жизни, къ своему росту, къ своему увѣковѣченію. Это всеобщій законъ жизни, и его исполненіе сопровождается удовлетвореніемъ. Мы должны стремиться къ совершенствованію и даже, если бы по мѣрѣ нашего совершенствованія наше счастье не увеличивалось, то не могли

ли бы мы заключить изъ этого, что наше существованіе не оканчивается здѣсь на землѣ?

Человѣческое совершенствованіе заключается въ развитіи всѣхъ физическихъ и интеллектуальныхъ силъ чело-вѣка, всѣхъ его чувствъ, чувства привязанности къ семьѣ и человѣчеству, чувства прекраснаго въ природѣ и въ искусствѣ.

Мы различаемъ два типа совершенствованія: типъ совершенствованія, созданный христіанствомъ, и типъ, созданный древностью. Христіанское совершенствованіе очень высоко въ своихъ требованіяхъ справедливости и состраданія у чело-вѣка къ его ближнимъ. У древнихъ философовъ объ этомъ говорится чрезвычайно смутно.

Нашимъ идеаломъ здѣсь можетъ быть Греція. Молодой грекъ развиваетъ упражненіемъ и свои мускулы, и свой умъ. Утро онъ проводитъ въ гимназіи, а послѣ обѣда бесѣдуетъ на свѣжемъ воз-

духъ съ философами и мудрецами. Такимъ образомъ онъ достигаетъ идеала: *Mens sana in corpore sano*. Въ одной прекрасной книгѣ о воспитаніи Гербертъ Спенсеръ очень вѣрно говоритъ, что существенной вещью является „сохраненіе здоровья“. Къ чему больному человѣку чины, почести и богатство? Итакъ греческая жизнь, которой англичане подражаютъ въ своихъ университетахъ, будетъ и нашимъ идеаломъ. Мы должны прибавить только еще ручной трудъ, отъ котораго древніе избавлялись, сваливая его на рабовъ. Это было большой ошибкой, скажемъ лучше, большимъ преступленіемъ, такъ какъ это есть насилуваніе естественнаго закона. И древность была наказана за это своимъ упадкомъ. Сама природа предназначаетъ къ труду каждаго человѣка. Мы имѣемъ потребности и имѣемъ умъ, которому служатъ органы, чтобы удовлетворять этимъ потребностямъ. Всѣ живыя существа живутъ, такимъ образомъ, личнымъ трудомъ.

Если мы взвалимъ на другихъ необходимый для нашего существованія трудъ, то мы будемъ наказаны за это анеміей, плохимъ пищевареніемъ, ипохондрическими припадками, тѣмъ, что выражается однимъ словомъ „слинь“, всѣмъ, чѣмъ страдаетъ праздный и пресыщенный человѣкъ. Человѣкъ, живущій по законамъ природы, чтобы сохранить надолго свое здоровье и свои силы, долженъ дѣлать тѣлесныя упражненія. Древніе не забывали этого. Они добрую часть дня проводили на марсовомъ полѣ, укрѣпляя и дѣлая гибкимъ свое тѣло. Для новѣйшаго человѣка, не имѣющаго рабовъ, гимнастическія упражненія безъ всякой экономической цѣли должны пополняться дѣйствительно полезнымъ ручнымъ трудомъ. Это уничтожаетъ изнѣженность и чрезвычайную утонченность.

Античная жизнь была изящна, но проста. Въ Аѳинахъ и въ Римѣ даже богатые люди не нагромождали въ своихъ жилищахъ той массы предметовъ, кото-

рые мы считаемъ необходимыми. Войдите въ какой нибудь домъ въ Помпеѣ: вы сразу схватываете, какъ древніе понимали жизнь. На первомъ планѣ стояло стремленіе къ прекрасному. Искусство украшало всѣ форумы, бани, храмы, частные дома, дворы, сады, стѣны, мебель и даже кухонную посуду. Но потребности были ограничены, и средства ихъ удовлетворенія малочисленны. Спальни походили на монастырскія кельи: въ нихъ было мѣсто только для кровати, стула и маленькаго сундучка. Тамъ не помѣстилась бы мебель современнаго рабочаго. Одежды ихъ были также просты, какъ одежды нашихъ пастуховъ. Шерстяная или бумажная туника и плащъ черезъ плечо. Понятно, почему у нихъ не было гардеробовъ. Измѣненія моды были неизвѣстны, и покрой платья не мѣнялся болѣе 1000 лѣтъ. Въ пищѣ древніе были также очень умѣренны. Вспомните ужинъ эпикурейца Горація.

Vivitur parvo bene cui paternum
Splendet in mensa tenui salinum

Carm. II, 16.

„Онъ живетъ счастливо, мало тратя,
видя на своемъ простомъ столѣ солонку
своихъ предковъ“.

И въ другомъ мѣстѣ:

„Inde domum me

„Ad porri et ciceris refero laga-
nique catinum“,

Sat. 1, 6, V, 115.

„Потомъ я ѣмъ кушанье изъ порей,
гороха или алады“.

„O quando faba Pythagorae cognata
simulque

„Uncta satis pingui ponentur olus-
cula lardo!“

Sat. II, 6, V, 63.

„О когда появятся на моемъ столѣ
бобы, родственные Пифагору, и немного
овощей, приправленныхъ питательнымъ
саломъ!“

На Аѳинахъ самые высокопоставленные люди жили подобно современному неаполитанцу. Каждый изъ нихъ могъ повторить слова философа: *Omnia mesumporto*. Чудовищные обѣды Тримальціоны, изъ ряда выходящіе расходы нѣкоторыхъ императоровъ представляютъ собой безуміе всемогущества. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ обыкновенной жизни ни въ Греціи, ни даже въ Римѣ. Древній человѣкъ, удовлетворивши своимъ потребностямъ, посвящалъ свое время на развитіе своихъ способностей, на эстетическія удовольствія или на государственныя заботы, на гимнастику, на философію, на литературу, на театръ, на политику.

Новѣйшая роскошь, погоня за комфортомъ вдвойнѣ нехороши. Во первыхъ она пожираетъ время, необходимое на заработокъ денегъ для этихъ бесполезностей, и во вторыхъ, на это уходитъ остатокъ досуга. Человѣкъ занятъ такимъ образомъ все время матеріальнымъ. У

него не остается времени на жизнь умомъ и сердцемъ. Посмотрите на жизнь финансиста, считающаго сотнями свои милліоны. Его дѣла, его расчеты, его компаніоны отнимаютъ у него все время. И даже по вечерамъ среди удовольствій, которыхъ онъ ищетъ, но которыми не наслаждается, онъ думаетъ объ операціяхъ, могущихъ еще увеличить его состояніе, доходъ съ котораго и безъ того можетъ урловлетворить все, до мельчайшихъ его желаній. Онъ придавленъ массой своего богатства. Конечно, онъ можетъ быть полезнымъ колесомъ въ дѣлѣ производства, но полезенъ ли онъ на пути къ совершенству и счастью? „Вы видите въ Парижѣ человѣка, который имѣетъ средства къ существованію до дня суда, который безпрестанно работаетъ и рискуетъ укоротить свою жизнь для того, чтобы увеличить свои средства“. (Монтескье *Lettres persanes*). Такъ жили принцы денегъ въ Нью-Йоркѣ, Асторѣ, Вандербильтѣ и Стю-

артъ, которые оставили послѣ смерти по полу-милліарду.

Человѣкъ безъ потребностей беззаботенъ. Онъ веселъ, какъ жаворонокъ или какъ „чеботарь“, распѣвающій отъ зари до зари. Благодаря чудесамъ науки и техники, мы производимъ столько богатствъ, что статистика ихъ приводитъ насъ въ смущеніе, а между тѣмъ мы постоянно заняты, озабочены и печальны. Теперь уже не смѣются такъ, какъ смѣялись когда то. Вездѣ мы видимъ только трудъ и обманъ.

Въ своемъ *Traité de la Concupiscentiel* Боссюэ говоритъ объ этомъ сильнымъ и прекраснымъ языкомъ. „Тѣло, говоритъ онъ, подавляетъ наши мысли и привязываетъ насъ къ землѣ, между тѣмъ какъ мы должны помышлять только о небѣ“. Сразу видно великаго оратора: однимъ словомъ онъ показываетъ къ чему должны быть направлены наши усилія. „Зачѣмъ вы необходимость превращаете въ тщеславіе? Вамъ нуженъ

домъ для защиты отъ непогоды: это — слабость. Вамъ нужно питаніе для возстановленія ежеминутно теряемыхъ вами силъ: это другая слабость. Вамъ нужна для отдыха кровать, на которой вы спите, и сонъ отнимаетъ силу у вашего ума: это еще третья печальная слабость. Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ вашей слабости вы дѣлаете зрѣлище для вашего тщеславія и кажется, что благодаря всѣмъ этимъ слабостямъ вы хотите быть великими“.

Иногда Боссюэ доходитъ до проповѣдованія аскетизма, но развѣ онъ въ сущности не правъ? Развѣ не есть каждая изъ нашихъ потребностей слабость, служеніе и стремленіе пожертвовать добромъ и справедливостью чувственности? Достоинство жизни, гордость поведенія, вѣрность взглядовъ часто зависятъ отъ простоты существованія. Чѣмъ меньше у васъ будетъ потребностей, тѣмъ легче вамъ будетъ слѣдовать голосу долга, тѣмъ менѣе въ важныхъ обстоятельствахъ, —

какъ то: въ выборѣ карьеры, жены или политической партіи,—вы будете слѣдовать внушеніямъ корыстолюбія.

Въ Англіи, рассказываетъ Гельвенцій въ своей книгѣ „О духѣ“, одинъ министръ хотѣлъ купить въ свою почъзу голосъ одного изъ своихъ рьяныхъ противниковъ, что обыкновенно практикуется. Противникъ этотъ ѣлъ за обѣдомъ баранину и пилъ простую воду. „Я думалъ, отвѣтилъ онъ министру, что простота моего обѣда избавитъ меня отъ вашихъ недостойныхъ предложеній“.

Память самаго великаго оратора французской революціи запятнана его продажностью. Для чего Мирабо согласился принять пенсію изъ кассы короля, какъ не для того, чтобы имѣть возможность поддерживать у себя въ домѣ роскошь?

Что бы тамъ ни говорили, но я восхищаюсь Жанъ-Жакомъ, отказывающимся отъ всѣхъ предлагаемыхъ ему благъ жизни и живущимъ въ одной комнаткѣ на

выручаемыя имъ отъ переписки ноть деньги.

Диогенъ, увидя челоуѣка, пившаго воду изъ своихъ ладоней, бросилъ кружку, чтобы дѣлать то же самое. Экономически онъ не правъ, потому что пріятнѣе и надо меньше усилій, чтобы напиться изъ кружки, чѣмъ изъ руки. Но чувство, заставившее его такъ сдѣлать, было, по его мнѣнію, разумно.

Говоря однажды о роскоши, я высказалъ мысль, что было бы лучше, еслибы люди вмѣсто ногъ имѣли лошадиныя копыта, которыя бы насъ избавляли отъ необходимости носить чулки и обувь. Мою мысль нашли очень смѣшной. Тѣмъ не менѣе я вмѣстѣ съ Боссюэ думаю, что наши потребности это—наши слабости, что онѣ насъ отвлекаютъ отъ идеала и погружаютъ въ земные интересы. Безъ потребностей мы были бы похожи на евалпельскихъ птицъ небесныхъ, „которыя не сѣютъ, не жнутъ“, или на тѣхъ богачей, которые проводятъ жизнь

въ исканіи красивыхъ мѣстъ природы, чтобы наслаждаться величіемъ и обиліемъ вселенной.

Я не забываю, что человѣкъ такъ созданъ, что трудъ есть необходимое условіе его физическаго и духовнаго здоровья. Но во всякомъ случаѣ, трудъ, равно распределенный, не долженъ быть утомительнымъ и продолжительнымъ до того, чтобы одурять человѣка.

Ограниченія потребностей не должно доводить до огрубѣнія нравовъ, до умственной неподвижности или нечистоплотности, что мы встрѣчаемъ у факировъ. Но не бойтесь, нашъ вѣкъ клонится совсѣмъ не въ эту сторону. Все толкаетъ его, напротивъ, къ утонченію чувственности. Противъ этого-то стремленія и надо бороться.

Осмѣлимся взять за образецъ Сократа, который закалилъ себя настолько, что въ арміи выдерживалъ холодъ, жаръ и другія невзгоды лучше ветерановъ и который, не имѣя почти потребностей,

жилъ только для философіи и справедливости. Или возьмемъ Св. Павла, который для служенія истинѣ перенесъ тысячи испытаній, темницу, сѣченіе, бѣдность и „тысячу смертей“. Души апостоловъ въ желѣзномъ тѣлѣ, — вотъ что должно быть идеаломъ современной молодежи, скорѣе чѣмъ стремленіе къ роскоши, балующей наши изнѣженные органы.

IX.

Роскошь въ отношеніи къ благосостоянію народовъ.

Въ этой главѣ мы будемъ разсматривать роскошь по отношенію къ благосостоянію народовъ, будемъ разбирать вопросъ, полезна ли она для нихъ, какъ это иногда думаютъ.

Такое ошибочное мнѣніе особенно гибельно. Люди, много тратящіе на предметы роскоши, воображаютъ, что они ока-

зываютъ услугу своимъ ближнимъ и, въ особенности, рабочимъ, а правительства стараются развивать такую расточительность. Самыя элементарныя понятія политической экономіи показываютъ, какъ невѣрна эта идея.

Прогрессъ промышленности зависитъ отъ возрастанія капитала, а капиталъ зависитъ отъ сбереженія. Расточительность же роскоши какъ разъ противна сбереженію и не только не благопріятствуетъ, а, напротивъ, препятствуетъ развитію промышленности. Вспомнимъ вѣрное замѣчаніе Стюарта Милля: „Потребовать вещь не значитъ дать средства къ ея производству. Я хочу купить въ этомъ году бархату, но, чтобы его произвести, нужны машины и всевозможныя другія вещи. Требованіе мое не дастъ этого капитала. Капиталъ долженъ быть данъ другимъ, кто не станетъ тратить, а сбережетъ“. Тотъ полезенъ работникамъ и тотъ дастъ имъ работу, кто не самъ потребляетъ, а даетъ имъ потреблять,

давая имъ возможность производить орудія и машины для новой фабрикаціи.

Роскошь не только не повышаетъ заработной платы, а, напротивъ, препятствуетъ ея повышенію. Въ самомъ дѣлѣ, когда повышается заработная плата? Когда капиталъ возрастаетъ скорѣе, чѣмъ число рабочихъ или, какъ сказалъ Кобденъ, когда два предпринимателя гонятся за однимъ рабочимъ. Для того, чтобы два предпринимателя могли спорить изъ рабочаго на рынкѣ труда, надо, чтобы у каждаго изъ нихъ былъ сбереженъ капиталъ. Такимъ образомъ, не трата на роскошь, а сбереженіе позволяетъ создавать новыя фабрики и доставлять рабочимъ возможность трудиться.

Въ странахъ богатыхъ роскошь, конечно, не мѣшаетъ возрастанію капитала, потому что доходъ такъ великъ, что его достаточно на двухъ. Рядомъ съ людьми расточительными стоятъ люди берегающіе. Имѣя нѣсколько милліоновъ годового дохода, можно позволить себѣ нѣкоторую роскошь и еще дѣлать ежегодно

сбереженія. До настоящаго кризиса годовичное возрастаніе капитала въ Англіи оцѣнивалось въ три милліарда. Капиталь этотъ употреблялся на новыя предиріятія не только въ Англіи, но во всемъ свѣтѣ. Если бы сбереженіе было еще больше, то и производство развивалось бы скорѣе.

Но, возразятъ мнѣ, вы не станете отрицать, „что роскошь способствуетъ развитію торговли. Это уже общепризнанная истина“. Ж.—Б. Сей рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: будучи въ им-чазіи, онъ по воскресеньямъ ходилъ въ домъ своего дяди,—добряка и филантропа. За десертомъ онъ, выпивая вино, разбивалъ стаканы, говоря: „Надо всѣмъ давать жить“. Эти слова навели на размышленія молодого Сея. Если мой дядя, думалъ онъ, хочетъ дать жить рабочимъ, то почему не бьетъ онъ свою посуду, не ломаетъ мебель и свои оконныя рамы? Онъ бы далъ этимъ еще больше работы. Когда Неронъ пѣлъ, смотря на горѣвшій

Римъ, онъ вѣроятно вдохновлялся чисто экономическими соображеніями.....

Экономистъ время реставраціи, защитникъ протекціонизма Сень-Шаманъ предполагаетъ Парижъ сгорѣвшимъ. Какъ гражданинъ онъ объ этомъ сожалеетъ, но какъ экономистъ радуется. Онъ находитъ, что это очень хорошо для труда, который получить отъ этого сильный толчекъ. Такое мнѣніе очень понятно, если смотрѣть не на результаты труда, а на самый трудъ. Это „сизифизмъ“, какъ удачно выразился Бастиа. При такомъ понятіи политическая экономія была бы наукой не о производствѣ, а объ уничтоженіи богатствъ. Здѣсь очевидно кроется грубое заблужденіе, которое необходимо разъяснить и опровергнуть.

Мы можемъ теперь сказать вмѣстѣ съ Бастиа: „Надобно хорошенько различать то, что видишь, отъ того, чего не видишь“. Мы видимъ работника, создающаго разрушенное. Но мы не видимъ другого работника, у котораго за деньги,

которыя мы платимъ первому рабочему, мы купили бы то, что онъ можетъ производить. Англійская пословица говорить: „плоха та торговля, которая никому ничего не даетъ“. И еще другая: „Всякое темное облако имѣетъ свою свѣтлую сторону“.

Конечно, разбивая стаканы, дядя Сея давалъ работу стеклянному заводу, который ему доставлялъ новые. Но если бы онъ не сдѣлалъ этого расхода, онъ могъ бы купить стульевъ, столовъ, или другихъ болѣе тонкихъ стакановъ и такимъ образомъ онъ далъ бы и больше заработка, и имѣлъ бы больше предметовъ. Его имущество, а слѣдовательно и имущество его страны возрасло бы. }

Въ Парижѣ были вновь воздвигнуты великолѣпныя зданія, сгорѣвшія въ 1871 году. Но на израсходованные на эти постройки милліоны могли бы быть построены другія зданія, напр., школы или нѣсколько километровъ желѣзной дороги. Тогда Парижъ сохранилъ бы свои двор-

цы, а Франція получила бы нѣсколько школъ или нѣсколько километровъ желѣзной дороги, на постройку которыхъ ей при пожарѣ нужно сдѣлать новые расходы.

Но, возразятъ мнѣ, ваши прекрасныя теоріи, родившіяся еще въ бочкѣ Діогена, подвергнутъ голодной смерти тысячи купцовъ и мастеровыхъ. Разберемъ это возраженіе на живомъ примѣрѣ. Богачъ банкиръ тратитъ на обѣды, балы, и всевозможныя празднества въ годъ милліонъ и увлекаетъ своихъ гостей въ подобныя же расходы. Галантерейные торговцы, портные, пирожники, парикмахеры, дѣлаютъ блестящія дѣла. Публика въ восторгѣ: „Торговля идетъ отлично!“ Появляется какой-нибудь проповѣдникъ не хитрыхъ теорій современной Церкви, а святой строгости древнихъ христіанъ. Онъ громитъ роскошь. Его слушаютъ, его ученіе всѣхъ трогаетъ и всѣ измѣняются. Нѣтъ больше баловъ и празднествъ. Вездѣ царитъ строгость и серьезность: можно

будетъ подумать, что находишься у квакеро́въ. Каковъ же будетъ результатъ этого большого измѣненія?

Очевидно банкиръ и все его общество не выбросятъ своихъ денегъ въ рѣку. Что же они съ ними сдѣлаютъ? Конечно, они захотятъ извлечь изъ нихъ пользу. Но какъ же? Одинъ улучшаетъ землю, которая долго находилась въ пренебреженіи: онъ сѣетъ, осушаетъ почву, прокладываетъ дороги и возобновляетъ зданія. Другой увеличиваетъ свою фабрику, третій беретъ надзирать за какой нибудь дорогой и строить на свой счетъ нѣсколько километровъ ея. Однимъ словомъ, чтобы получить пользу изъ своихъ капиталовъ, всѣ должны трудиться съ пользой. Расходятся тѣ же самые милліоны. Количество работы не измѣняется, и рабочіе не остаются безъ работы. Они только заняты въ деревнѣ и ихъ не видно, а раньше, будучи въ галантерейныхъ магазинахъ, въ кондитерскихъ и въ парикмахерскихъ, они торчали на гла-

захъ. Слѣдовательно происходитъ не уничтоженіе, а перемѣщеніе труда.

Теперь укажемъ на разницу въ обогащеніи страны. Что остается отъ сгорѣвшихъ на балу свѣчей? Ничего, кромѣ затронутыхъ тщеславій, утомленныхъ желудковъ и разстроенныхъ нервовъ. Общественный капиталъ уменьшился и въ припасахъ, и въ человѣческихъ силахъ. Послѣ же окончанія полевыхъ работъ остаются: осушенные и удобренные поля, дающія больше, чѣмъ прежде, хлѣба, лѣса, лучше посаженные и приносящіе больше лѣса, новыя машины, болѣе производящія, нѣсколько километровъ жел. дороги, по которой легко перемѣщаются люди и товары. Все это обогатитъ страну и дастъ ей большую возможность больше производить. вмѣстѣ съ тѣмъ на слѣдующій годъ рабочіе будутъ лучше снабжены всѣмъ необходимымъ. Припасы понизятся въ цѣнѣ. Помѣщенный въ дѣло возросшій капиталъ поднимаетъ спросъ на руки, и заработная плата повысится.

Такимъ образомъ выгода будетъ двойная.

Вотъ еще другія преимущества. Я предположилъ, что та же самая сумма денегъ, идущая только не на предметы роскоши, а на предметы полезные, дастъ работу такому же числу рабочихъ, но не въ городахъ, а въ деревняхъ. Но такъ какъ плата въ деревнѣ ниже, чѣмъ въ городѣ, и жизнь тамъ дешевле, то на тѣ же деньги можно будетъ нанять больше рабочихъ. Притомъ производство необходимыхъ и полезныхъ вещей постояннѣе, чѣмъ производство предметовъ роскоши, потому что безъ послѣднихъ легче обойтись, чѣмъ безъ первыхъ. Предположимъ, что какой нибудь политическій или экономическій кризисъ подрываетъ довѣріе и сокращаетъ доходъ: экономія начнется, конечно, при удовлетвореніи второстепенныхъ потребностей, и рабочіе, производящіе предметы роскоши, останутся безъ работы. Большой вредъ приносятъ также измѣненія моды. На моихъ глазахъ въ

фландрскихъ деревняхъ дѣти и молодѣ дѣвушки занимаются плетеніемъ валансенскихъ кружевъ. Мода измѣняется, во начинаютъ носить кружево бруссельское или алансонское, и вотъ эти несчастныя дѣвушки получаютъ очень незначительный заработокъ и имъ приходится голодать. Какъ грустно видѣть, какъ капризная модистка оставляетъ безъ работы нѣжныя прилежныя пальчики бѣдныхъ дѣвушекъ. Такимъ образомъ роскошь, препятствующая образованію капитала, даетъ меньше работы и болѣе неправильныя занятія, чѣмъ полезное потребленіе.

Но, возразятъ мнѣ еще, роскошь производитъ болѣе быстрое обращеніе денегъ. Другая безсмыслица. Въ самомъ обращеніи нѣтъ ничего полезнаго. Нигде деньги не обращаются скорѣе, чѣмъ въ зеленомъ полѣ за рулеткой. Одни проигрываютъ, другіе выигрываютъ миллионы, но гдѣ же польза для страны? Деньги обращаются всегда, если ихъ не закладываютъ въ землю. Важно то, приносятъ

ли деньги, переходя изъ рукъ въ руки, дѣйствительную пользу, удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, или же они производятъ массу бесполезностей, удовлетворяющихъ нашу чувственность и легкомысліе.

Пустили фейерверкъ въ 200000 франковъ: философы, теологи и экономисты не одобряютъ этого. Зѣваки же, напротивъ, въ восторгѣ аплодируютъ: развѣ деньги не остались въ странѣ! Новая глупость. Деньги несомнѣнно остались, но богатство, эквивалентомъ котораго онѣ служили, исчезло. Въ странѣ было два капитала, одинъ въ деньгахъ, другой въ порохѣ, который можно было бы употребить на добываніе изъ земли каменнаго угля и минераловъ, на прорытіе горъ и перешейковъ для усовершенствованія путей сообщенія. Но фейерверкъ сожженъ, и остались только деньги. Второй капиталъ превратился въ дымъ. Потреблять значитъ вообще разрушать. Важно только, дало ли это разрушеніе, удовлетво-

ривши дѣйствительную или созданную потребность, новое средство производств

Всякое потребленіе есть въ сущности обмѣнъ. Вы отдаете существующую цѣнность. Что получаете вы въ обмѣнъ? Если чтонибудь такое, что укрѣпляетъ и возвышаетъ душу, то вы сдѣлали хорошее дѣло. Если же вы получили что льститъ вашей гордости и вашему тщеславію, т. е. хуже, чѣмъ ничего, вы сдѣлали плохое дѣло.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Государство дѣлаетъ дурно, поощряя роскошь; оно этимъ препятствуетъ возростанію капитала, а слѣдовательно и прогрессу промышленности и повышенію заработной платы. Желательно, напротивъ, чтобы представители общественной власти вели простую и даже строгую жизнь. Въ такихъ республикахъ, какъ Швейцарія и Соединенные Штаты разница въ окладахъ не такъ велика, какъ у насъ. Нижніе чины получаютъ больше, высшіе меньше.

К Городскія субсидіи театрамъ заслуживаютъ самаго строгаго порицанія. Я признаю большія издержки на распространение свѣта, здоровыхъ понятій нравственности и любви къ прекрасному. Но что осмѣлится сказать, что современный театръ развиваетъ вкусъ и возвышаетъ душу? Какъ сказалъ Руссо въ своемъ письмѣ къ д'Аламберу о театрахъ, публика употребляетъ деньги на открытіе разсадниковъ дурныхъ нравовъ и школъ съ плохими примѣрами. Справедливо ли, что бѣдные оплачиваютъ удовольствія богатыхъ? Очень часто субсидіи не даются на то, на что ихъ надо было бы дать, а даются на театры, которые развращаютъ общество. Здѣсь постоянно представляется еще тотъ аргументъ, что театральныя представленія „способствуютъ обращенію денегъ и развитію торговли“. Но мы уже видѣли, сколько заблужденія таится въ этихъ словахъ.

Экономическій анализъ не раскрылъ еще абсурдности идей, которыми объяс-

няются противорѣчія писателей 18 вѣка. Вольтеръ во многихъ мѣстахъ осуждаетъ роскошь, но, вдохновленный тогда знаменитой апологіей роскоши „La fable des Abeilles“, самъ восхвалилъ роскошь въ своемъ „Le mondain“ и въ другихъ сочиненіяхъ.

Несоотвѣтствія и колебанія еще поразительнѣе у Монтескье, который очень глубоко изслѣдовалъ этотъ вопросъ. Онъ очень ясно видитъ, что роскошь есть причина деморализаціи и упадка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не осуждаетъ ее, признавая вмѣстѣ со своимъ вѣкомъ, что она есть источникъ богатства. Вотъ его слова: „Моды суть важная вещь. Своимъ легкомысліемъ послѣдователи моды способствуютъ развитію торговли“. Вольтеръ, защищая свѣтскаго человѣка, высказываетъ ту же мысль:

„Sachez surtout que le luxe enrichit
„Un grand Etat s'il en perd un petit

. . . . .

„Le pauvre y vit des vanités des
grands“.

У Лафонтена также сказался общій предразсудокъ:

„Il ne sais d'homme necessaire

„Que celui dont le luxe épanché
beaucoup de biens

„Nous en usons, Dieu sait! Notre
plaisir occupe

„L'artisan, le vendeur.....“

Самъ Руссо думаетъ, что „роскошь можетъ быть необходимой, чтобы давать пропитаніе бѣднымъ“.

Что нужно особенно искоренить, такъ это основное заблужденіе, что роскошь экономически полезна, потому что она даетъ трудъ. Надо помнить, что чувственность, праздность и невоздержность расточаютъ источники, которые можно было бы съ прибылью утилизировать. Понять это, конечно, не значитъ исполнять предписанія нравственности; но, по крайней мѣрѣ, пусть всѣ знаютъ, что уничтожая капиталъ въ источникѣ, т. е. кося хлѣбъ зеленымъ, нельзя оказывать услуги себѣ подобнымъ.

X.

Роскошь въ отношеніи къ справедливости.

[Сисмонди сказалъ: „Если бы богатый классъ рѣшился жить своимъ трудомъ, какъ и бѣдный, и присоединять свой доходъ къ своему капиталу, то рабочіе пришли бы въ отчаяніе и умерли бы съ голоду“. (Nouv. Princ. d'Econom. polit., liv II, ch. 2). Сисмонди забываетъ, что для превращенія дохода въ капиталъ, надо его также расходовать на машины, на земледѣльческія усовершенствованія, надо для него всевозможныя помѣщенія, и такимъ образомъ богатый давалъ бы бѣднымъ столько работы, какъ если бы онъ покупалъ бесполезности. Дѣйствительно, внезапное измѣненіе въ употребленіи доходовъ, могло бы разорить тѣхъ, кто жилъ отъ такого употребленія, если бы они не могли приспособиться къ новому труду. Изъ этого слѣдуетъ, что надо желать постепеннаго

измѣненія. Но бояться того, что богатые будутъ довольствоваться простымъ супомъ и грубой шерстяной матеріей, нечего.

Роскошь можно разсматривать еще съ третьей стороны, въ ея отношеніяхъ къ праву. Дѣйствительно, можно задать вопросъ, совмѣстима ли роскошь съ справедливостью? Древнее христіанское ученіе отвѣчаетъ отрицательно. Сколько найдемъ мы въ Евангеліи мѣстъ, гдѣ произносятся строгое осужденіе роскоши! Лазарь принимается въ Царствіе Небесное, между тѣмъ какъ богачъ ввергается въ геенну огненную. „Легче верблюду или веревкѣ изъ верблюжьихъ волосъ пройти сквозь игольное ушко, чѣмъ богачу войти въ Царствіе Небесное“. „Несчастливы вы, богачи, ибо вы нашли ваше счастье на землѣ“. Изъ этого мы видимъ, какъ роскошь, вытекающая изъ богатства, строго осуждается христіанской нравственностью.

Отцы Церкви проповѣдуютъ равенство права. Имѣющіе излишекъ не мо-

гутъ законно располагать имъ сами. Они должны подѣлиться имъ съ тѣми, у кого нѣтъ необходимаго. Какъ сказалъ Сальвѣнъ, богачъ только экономятъ бѣднаго. Бодрильяръ приводитъ выдержку изъ слова Бурдалу о милостыни, въ которомъ это ученіе изложено очень полно: „По закону природы, сказалъ проповѣдникъ, всѣ блага должны быть общими. Всѣ люди равны, и никто не имѣетъ права обставлять свою жизнь лучше, чѣмъ обставлена жизнь другихъ. Самымъ естественнымъ положеніемъ было то, когда Богъ далъ людямъ питаніе въ видѣ плодовъ, при чемъ каждый рвалъ столько, сколько ему было надо..... Когда богатый подаетъ милостыню, то пусть онъ не думаетъ, что дѣлаетъ что-нибудь особенное; онъ платитъ только свой долгъ, отдаетъ законную часть бѣдному, отказаться отъ которой ему было бы несправедливо“.

Для излѣченія неравенства и вытекающей изъ него роскоши Церковь указала одно только средство: милостыню и

только милостыню. Но что же остается дѣлать политической экономіи, которая, основываясь на фактахъ, доказываетъ, что милостыня порождаетъ праздность, нищенство, лѣнь, опущеніе характеровъ, что милостыня производитъ такой порядокъ вещей, при которомъ одни трудятся, а другіе живутъ на счетъ этого труда? Французскій Адамъ Смитъ, Ж.—Б. Сей доказываетъ очень ясно, что роскошь имѣетъ своимъ источникомъ неравное распредѣленіе богатствъ. „Слишкомъ большое неравенство состояній противно всѣмъ родамъ потребленія. Оно развиваетъ искусственныя потребности, а потребности дѣйствительныя удовлетворяются все меньше и меньше. Вездѣ видно развитіе нищеты рядомъ съ крайнимъ богатствомъ. Усиленный трудъ однихъ даетъ необходимое другимъ. Развалины и колоннады, отрепья и рядомъ кружево и другіе предметы роскоши, однимъ словомъ самыя бесполезныя вещи рядомъ съ самыми настоящими потребностями!“

Монтескье признаетъ такъ же, какъ и Бурдалу, что „отдѣльные богатства увеличились только отъ того, что у нѣкоторыхъ гражданъ отнято необходимое, которое имъ и должно быть возвращено“. Но какъ? Издержками богатыхъ, на которыя ихъ должно принудить правительство. Рѣшеніе великаго политическаго писателя еще хуже рѣшенія великаго оратора. Истинное лѣчебное средство было найдено и введено французскою революціей и авторами нашего гражданскаго свода, только съ слишкомъ малою логичностью. Средство это заключается въ томъ, чтобы возможно большее число гражданъ имѣло собственность. Сдѣлайте такъ, чтобы у cadaго была земля, промышленная акція или облигація, демократизируйте собственность, и тогда каждый будетъ пользоваться продуктами своего труда. Тогда исчезнетъ роскошь, осуждаемая Политическою Экономіей и христіанствомъ, роскошь, являющаяся результатомъ крайняго неравенства. Если же прогрессъ ме-

ханики увеличить продукты, то этимъ увеличеніемъ будутъ пользоваться всѣ. Мы видимъ это въ тѣхъ странахъ, гдѣ гражданскіе законы, феодальныя или королевскіе узурпаціи не нарушили поземельныхъ законовъ и формъ собственности первобытныхъ временъ.

У Вольтера, который, подобно большей части писателей своего времени, сказалъ о роскоши много глупостей, есть одно очень разумное мѣсто въ его „Философскомъ Словарѣ:“ „Если подь роскошью понимать все, что необходимо, то роскошь надо считать естественнымъ слѣдствіемъ прогресса и, разсуждая послѣдовательно, всякій противникъ роскоши долженъ думать вмѣстѣ съ Руссо, что состояніе счастья и добродѣтели заключается для человѣка не въ состояніи дикаря, а въ состояніи орангутанта. Понятно, что глупо смотрѣть на удобства, которыми наслаждается человѣкъ, какъ на зло. Не лучше ли понимать подь роскошью только тотъ излишекъ, которымъ

можетъ пользоваться только очень небольшое число людей. Въ этомъ смыслѣ роскошь есть необходимое слѣдствіе собственности, безъ которой не можетъ существовать общество, и большого неравенства состояній, которое является слѣдствіемъ не права собственности, а дурныхъ законовъ. Слѣдовательно, дурные законы рождаютъ роскошь, а хорошіе могутъ ее уничтожить. Моралисты должны обращать свои поученія къ законодателямъ, а не къ частнымъ лицамъ. Очень возможно, что образованный и добродѣтельный человѣкъ создастъ разумные законы. Но невозможно ожидать, чтобы всѣ богачи изъ добродѣтели отказались отъ денегъ, которыя могутъ доставить имъ удовольствіе или удовлетворить ихъ тщеславію“.

XI.

Государственная Роскошь.

По моему мнѣнію, только одинъ видъ роскоши оправдывается, а именно роскошь общественная, но и то при условіи ея хорошаго выполненія.

Бодрильяръ написалъ по этому поводу нѣсколько прекрасныхъ страницъ. Вотъ выдержка изъ его сочиненія: „Роскошь даетъ толпѣ пользованіе извѣстными удовольствіями, какъ наприм., общественными садами, фонтанами или театромъ: она открываетъ толпѣ сокровища прекраснаго, въ видѣ произведеній скульптуры и живописи. Для искусства существуютъ музеи такъ, какъ для науки-библіотеки и для промышленности—выставки. Да, наконецъ, во всѣхъ формахъ, общественная роскошь, если она хорошо направлена, приноситъ пользу всему. Она поднимаетъ уровень и оплодотворяетъ промышленный геній. Эта

роскошь имѣетъ громадную заслугу: она отнимаетъ у роскоши характеризующія ея эгоистичность и уединенность. Этотъ родъ роскоши даетъ всѣмъ людямъ наслажденіе тѣмъ, чѣмъ обыкновенно можетъ наслаждаться только богачъ или маленькое число лицъ“.

Въ послѣдней главѣ часто приводимаго нами сочиненія Бодрильера мы встрѣчаемъ самыя вѣрныя и полезныя замѣчанія на счетъ измѣненія въ общественной роскоши. Чѣмъ общество демократичнѣе, тѣмъ больше оправдываются расходы на общественную роскошь, единственно позволительную. Въ Аѳинахъ во времена Перикла двѣ трети дохода употреблялись на общественные памятники. Пиндаръ въ седьмой олимпіадѣ говоритъ: „Въ тотъ день, когда Родосцы воздвигли жертвенникъ на островѣ, — пошелъ золотой дождь“. Золотой дождь, сыплющійся на народъ для поощренія къ литературѣ и искусствамъ, есть дождь чистыхъ безпристрастныхъ наслажденій.

Физикъ Равезонъ, говоря объ Искусствѣ въ Школѣ (Dictionnaire de Pédagogie et d'Instruction primaire), очень хорошо выразился: „Воспитаніе должно начинаться съ дѣйствительности и съ образовъ, которыя намъ служатъ къ возвышенію до интеллектуальнаго и високаго“. Занимали ли бы такое мѣсто дурной излишекъ и грубое потребленіе, если бы массы были „образованы, хотя бы въ очень слабой мѣрѣ, настолько, чтобы наслаждаться гармоніей и пропорціональностью линій? Человѣку изъ народа, надъ которымъ тяготѣетъ матеріальная нужда, не было бы лучшимъ облегченіемъ въ его тяжелыхъ условіяхъ смотрѣть на то, что Леонардо да Винчи называлъ „la bellezza del mundo“, не было ли бы ему лучше, если бы онъ могъ наслаждаться всеми красотами міра. Это наслажденіе могло утѣшить его въ горестяхъ, какъ говоритъ Паскаль, и дать ему предчувствіе къ лучшей жизни“. На эту тему можно было бы написать цѣ-

люю книгу. Въ настоящую минуту я этого не сдѣлаю; я вполне согласенъ съ мнѣніемъ Бодрильера и думаю, что администраторы государствъ или коммунъ найдутъ въ его книгѣ больше, чѣмъ хорошій совѣтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	СТР.
1. Постановка вопроса	3
2. Что такое роскошь?	4
3. Чувства, поражающія роскошь	8
4. Роскошь ничѣмъ не оправдывается	24
5. Есть ли роскошь доказательство или причина нравственнаго развитія?	35
6. Есть ли роскошь необходимое условіе для употребленія машинъ?	44
7. Три стороны вопроса о роскоши	53
8. Роскошь въ отношеніи къ идеалу жизни	54
9. Роскошь въ отношеніи къ благосостоянію народовъ	68
10. Роскошь въ отношеніи къ справедливости	84
11. Государственная роскошь	91

6921/
1